

A close-up portrait of a man with curly brown hair, blue eyes, and a light beard. He has a small cut on his forehead and is looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a dark blue coat over a light blue shirt and a dark red bow tie. He is holding a vintage black and silver camera with both hands, positioned in front of his chest. The camera has a lens with a circular pattern and some text on the top. The background is blurred, showing warm, out-of-focus lights, suggesting an indoor setting with a fire or warm lighting.

Наталья Явленская

**Аппарат
Ноэля
Бакстера**

Наталья Явленская

Аппарат Ноэля Бакстера

«Автор»

2026

Явленская Н.

Аппарат Ноэля Бакстера / Н. Явленская — «Автор», 2026

Лондон, середина XIX века. Ноэль Бакстер — молодой затворник, бывший медик, потерявший в пожаре почти всё состояние. Восстанавливая повреждённый зеркальный фотоаппарат, он использует старинное треснутое зеркало, доставшееся от эксцентричного дяди, погибшего при таинственных обстоятельствах в Индии. Он не знал, что это зеркало — не просто отражающая поверхность. Оно показывает смерть. Каждый снимок, сделанный этим аппаратом, открывает последние мгновения жизни убитых. А сам Ноэль становится заложником страшного дара, который медленно сводит его с ума. Вместе с кузеном-инспектором Скотленд-Ярда и загадочной компаньонкой Мартой Харрингтон он оказывается втянут в череду жестоких убийств — на океанском лайнере, в психиатрической клинике и на проклятом маяке Эдистон. Но самая страшная тайна ждёт его там, где он меньше всего искал предательства. И цена правды окажется выше, чем он мог вообразить.

© Явленская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Явленская

Аппарат Ноэля Бакстера

Глава

Часть I. Дама со снятой головой

Глава I. Треснувшее зеркало

Взяться за перо стало потребностью моей души. Я не ищу участия или сострадания. Я жажду честного и непредвзятого рассказа о событиях, перевернувших мою жизнь. Об открытии, заложником которого я стал, и об аппарате, показавшем мне мир за гранью.

Потеря положения в обществе, значительной части состояния и душевного покоя – лишь малая толика всех бед и напастей, которые я был обречен испытать. Даже рассудок не раз подводил меня, и мои поступки вызывали сомнение не только у общественности, но и меня самого.

Так вот, пока разум все еще служит мне, я решил запечатлеть на бумаге все, что мне довелось пережить.

Я прекрасно помню день, когда все началось. 20 марта 18.. года в моем доме случился пожар, погубивший большую часть моего имения. Огонь не тронул лишь то крыло дома, где раньше проживал мой дядя, и я вместе с Мартой (другую прислугу мне пришлось распустить из-за недостатка средств) вынужден был ютиться в трех дядиных комнатах.

Из всего ценного имущества удалось спасти лишь фамильное серебро и еще кое-какие стоящие вещицы. Но главное, пожар пощадил лабораторию, где хранилось мое главное сокровище - зеркальный фотоаппарат Сэттона. При первом осмотре были заметны лишь повреждения штатива. Но вскоре я удостоверился, что пострадало и его внутреннее устройство: разбилось зеркало, создающее изображение.

О покупке нового экземпляра нечего было и думать, и в отчаянии я сам отважился разобрать аппарат (что оказалось мне под силу, так как в устройстве и принципах его работы я разбирался достаточно). Устранив мельчайшие осколки, способные влиять на изображение, мне оставалось раздобыть новое зеркало.

Я работал в гостиной, и вспомнил, что еще ребенком наблюдал тут странную картину: одно зеркало чем-то помешало дяде и он на моих глазах пытался разбить его. К своему удивлению, я нашел зеркало там же, где видел в последний раз – лежащим у подставки для зонтов. Оно было треснутым, но одна из его целых секций вполне подходила для моего аппарата. И после кропотливой работы мне удалось собрать механизм, почти погубивший меня

Я часто думаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы цепь случайных событий не привела меня к созданию аппарата, от которого у меня до сих пор идет мороз по коже и волосы шевелятся на голове. Аппарата, чьи свойства ужасают живых, но остаются единственным средством для мертвых пролить свет на причину своей гибели.

Однако, отрезвляющая мысль, следующая за этими рассуждениями, не оставляет возможности пенять на необратимые случайности, якобы происходящие с нами. Разве может событие, сыгравшее главную роль в жизни, обойти нас стороной? И какими бы ни были его следствия, я уверен, что все они нанизаны на единственно возможную нить судьбы, невообразимым образом впечатавшуюся в ладонь еще при рождении.

Но довольно пространных размышлений. Я забыл о манерах. Конечно, мне необходимо представиться, коротко описать предшествующие пожару события и людей, повлиявших на ход моей истории.

Меня зовут Ноэль Бакстер.

Имени Ноэль я обязан появлению на свет в Рождественский сочельник. А фамилия Бакстер, хоть на первый взгляд и имеет утилитарное значение, вовсе не так проста. Мои предки принадлежали к числу крупной буржуазии и стояли у истоков мануфактурного производства, как известно, приведшего Британию к промышленному перевороту и укрепившему мировое господство моей державы.

К сожалению, я не застал расцвета могущества рода Бакстеров. К моменту моего рождения значительная часть семейного благосостояния была утеряна из-за неудачных попыток деда удержать лидерство своей фабрики в фарфоровом производстве. И я подозреваю, что финансовый крах и следующая за ним душевная болезнь моей бабки явились причиной многих бед моих родственников, включая и мои собственные.

Впрочем, родных по отцовской линии у меня было немного. Дед имел лишь двоих сыновей. О своем дяде Фрэнсисе я мало что знал. Только то, что он с детства отличался несносным характером, и никому не было с ним сладу. По мере взросления лучше его характер не становился, и любой пустяк мог вывести его из себя. О его несдержанном нраве были наслышаны все знакомые, и с ним редко кто изъявлял желание даже заговорить.

Фрэнсис часто попадал в неприятные ситуации, и как только возраст позволил, дед нашел лучшее применение его душевному складу – отправил на военную службу. Это оказалось верным решением. В военных компаниях дядька нашел свое призвание, большую часть жизни проведя в Индии.

Он никогда не был женат, и насколько мне известно, не стремился к общению с родственниками или с кем-либо еще в Англии. Во время редких визитов в Лондон он большую часть дня проводил в своем крыле дома, не удостоивая даже меня, единственного ребенка в семье, своим обществом.

А мне было так интересно наблюдать за ним! Внешне это был высокий грузный мужчина с густой угловатой бородой, с которой он еще больше походил на свирепого пирата (во всяком случае, мне так казалось раньше). Все в этом человеке вызывало мое любопытство: и грубые манеры, редко встречающиеся в нашем окружении, и домашние халаты с расписными узорами и вышивкой на восточный манер, в которых он всегда ходил по дому, пренебрегая приличиями и возражениями моей матери.

Но больше всего меня манили дядины сокровища. Один бог знает, сколько всякой таинственной всячины, привезенной им из Индии, хранилось в его комнатах. Мне не позволялось находиться в его части дома. Впрочем, во время дядиного отсутствия его комнаты запирались, и не было никакого резона бывать возле них. Но когда Фрэнсис приезжал. Пожалуй, то были исключительные случаи, когда я без зазрения совести отваживался нарушить запрет родителей.

Здесь следует рассказать об одном происшествии, которое я потом часто вспоминал, пытаясь воссоздать в памяти каждое дядино слово.

Однажды вечером я незамеченным прошмыгнул в его крыло дома и, как всегда, притаился возле гостиной, где он хранил самые ценные вещи. К моему счастью, дверь в комнату не была закрыта наглухо, и я припал к образовавшейся щели. С замиранием сердца я разглядывал то, что находилось внутри.

На полу и комодах стояли чучела диких птиц и животных (среди них я узнал только обезьяну и павлина). На стенах красовались шкуры гепардов и львов, а над камином висела огромная голова носорога с большим белым рогом. Комната была уставлена замысловатыми ларцами, статуэтками заморских красавиц, фигурами каких-то божков и кучей серебряных безделушек. Но все это великолепие не входило ни в какое сравнение с коллекцией дядиного оружия. Как зачарованный я рассматривал мушкеты и ружья, отделанные серебром и перламутром, украшенные драгоценностями кинжалы, сабли и кортики.

Вскоре из комнаты донеслись сдавленные крики. Я не сразу понял, что звуки издавал дядя. Это были крики до смерти напуганного человека, а я не мог представить дядю Фрэнсиса в таком качестве. Затем последовал шум сдвигаемой мебели и бьющегося стекла. И, наконец, в поле моего зрения появился дядя. Но что это?

На моего родственника было жутко смотреть. Он весь трясся и размахивал рукой, словно хотел что-то смахнуть с головы, плеч, груди. Дядя пятился назад, безотрывно глядя на небольшое зеркало в деревянной раме, которое сжимал в правой руке. Его лицо перекошилось от ужаса, словно в зеркале он видел самого дьявола, а короткие крики, которые он издавал, были похожи на звуки из преисподней!

От напряжения, охватившего меня, я непроизвольно подался вперед и, потеряв равновесие, ничком ввалился в комнату. Что было дальше, мне страшно вспомнить. За секунду я испытал такой дикий страх, что казалось, сейчас умру. Я был пойман на месте преступления! И кем?! Человеком, вызывавшем демонический трепет, пиратом, который теперь был вправе обрушить на меня весь свой гнев!

Я лежал на полу и боялся пошевелиться. К моему изумлению, дядя даже не взглянул на меня. Продолжая таращиться в свое отражение, он пятился по направлению ко мне и что-то быстро бормотал. Его голос прерывался, и я смог разобрать лишь несколько повторяющихся слов:

- Адские отродья, прочь от меня, прочь! Я вам не позволю!

Наткнувшись на меня, он остановился как вкопанный, и высоким визгливым голосом вскричал:

- Кто здесь? Помогите! Снимите с меня этих чертовых змей!

Тараща на дядю и преодолевая свой ужас, я нетвердым голосом прошептал:

- Дядя Фрэнсис, тут нет змей.

Дядя по-прежнему не смотрел в мою сторону.

- Что? Не слышу! – уже прорывал он и разразился трехэтажной бранью. – Кто-нибудь в этом чертовом доме поможет мне?

Не знаю, что придало мне сил. Или гнев дядюшки, или страх перед ним, или радость, что вместо наказания за мой проступок меня молят о помощи. Но я до сих пор удивляюсь храбрости, наглости, безрассудной отваге, одновременно охватившим меня. Я вскочил на ноги и что есть сил прокричал, выражаясь в дядиной манере:

- Дядя Фрэнсис, на вас нет ни одной чертовой змеи!

Мои слова произвели на Фрэнсиса впечатление. После секундного замешательства, он, будто сопротивляясь чьей-то неистовой мощи, отвел зеркало от лица и с силой бросил его об пол. Как пружина зеркало отскочило от паркета и ударилось о слоновою ногу, служившую подставкой для зонтов. Вопреки всем ожиданиям, оно не разбилось, а лишь треснуло в нескольких местах.

Тем временем дядя подбежал к столику, на котором стояли, переливаясь всеми цветами радуги, хрустальные графины, плеснул из одного в стакан темно-коричневой жидкости и быстро выпил все до капли. Я заметил, как тряслись его руки и мне впервые стало жаль этого сильного мужчину. Я понял, насколько мои представления о дяде расходились с действительностью.

Дядя пил стакан за стаканом, и вскоре еле сидел, вальяжно развалившись в кресле с высокой резной спинкой. Все это время я как вкопанный стоял у двери и не знал, что мне делать. Тут дядя, наконец, вспомнил о моем присутствии:

- Это ты, сынок? Подойди к дяде Фрэнсису, - протянул он, похлопав себя по коленке.

Я повиновался.

- Не бери в голову то, что ты сейчас видел. У твоего дяди совсем расшатались нервы.

Он скривил губы, видимо, пытаясь выдавить смех, но вдруг снова весь затрясся и, глядя куда-то сквозь меня, тихо, почти шепотом заговорил:

- Это все индийская магия! Меня предупреждали, чтобы я не трогал его вещи. Чертов старик! Как он умолял, чтобы я оставил это зеркало

Тут мужчина отчаянно замотал головой, уперся в меня покрасневшими от выпивки глазами и сильным голосом проревел:

- Пока я не пристрелил его. Уж больно мне понравилась эта вещица, гори она в аду! И я не привык, чтобы мне перечили

Еще через мгновение он запрокинул голову назад и заснул, оглашая комнату взрывами несносного храпа.

Пребывая в сильном волнении от увиденного, я всю ночь не мог уснуть. Мне мерещились клубки из змей, то набрасывающихся на меня, то ласково трущихся о мою кожу, и Фрэнсис, лукаво подмигивавший мне и заходившийся оглушительным хохотом.

Тем вечером я видел дядю в последний раз. Спустя некоторое время до нас дошла весть о том, что дядя угодил в змеиное логово где-то в джунглях Индии и погиб от многочисленных укусов рептилий.

Конечно, будучи мальчишкой, я не соотнес причину его смерти с тем странным случаем с зеркалом. Таинственный мир дяди, с которым я тогда соприкоснулся, навсегда остался в моей памяти как самое яркое событие моего детства. Его мир завораживал и отвращал одновременно, и впечатления от него настолько контрастировали с обыденной, пресной жизнью моих родителей, что авторитет отца в моих глазах впервые поколебался.

Мой отец был полной противоположностью своего брата. Он обладал отменными манерами, был скромен, и я не слышал, чтобы он когда-нибудь повысил голос, потерял над собой контроль или вел с кем-то душевный разговор. Мы никогда не были близки. Он избегал всплесков детского нрава и всяких проявлений любви с моей стороны. В общем, я воспитывался в атмосфере прохладной сдержанности, если не сказать отчужденности. Кстати, теперь я понимаю, кому обязан безрадостному взгляду на жизнь.

Я рос слабым, болезненным мальчиком и меня мало что могло заинтересовать, воодушевить или обрадовать. Кроме, пожалуй, одного - фотографирования. Не знаю теперь, благодарить этого человека или ненавидеть, но любовь к фотографии привил мне сам Уильям Тальбот.

Отец обучался с ним в университете, и я не раз слышал впечатляющие истории об этом весьма одаренном ученом. Но знакомство с ним превзошло все мои ожидания.

Помню, как однажды мистер Тальбот гостил у нас в доме. В то время его занимала идея совершенствования своего метода – калотипии, за которую он получил медаль Королевского Общества. По сути, он трудился над получением мгновенной фотографии, и настолько был поглощен своим изобретением, что заразил и меня.

Мне тогда было лет пятнадцать – шестнадцать, возраст, когда увлечение чем-либо оставляет отпечаток на всю жизнь. Так и случилось. Каждый день после отъезда мистера Тальбота я просился в его мастерскую, и когда это получалось, часами наблюдал за ходом экспериментов. Конечно, в мальчишеских грезах я мечтал пойти по стопам этого великого ученого.

Но отец видел мое будущее в медицине. С молоком матери впитавший горечь ошибочного распоряжения финансами, он не сумел вести какую бы то ни было самостоятельную финансовую стратегию, и наша семья довольствовалась доходом от сдачи земли в аренду. Отцу стоило немалых усилий, чтобы поддерживать образ жизни, привычный для людей нашего круга, поэтому достойный заработок и уважение в обществе – это все, о чем он мечтал для меня.

По правде сказать, на деле я ничуть не противился такому ходу событий. Чем старше я становился, тем явственнее страдал от физического нездоровья. В основном, я мучался мигренями, и к тому же, проявлял опасную склонность к ипохондрии. Я рассчитал, что медицин-

ское образование будет полезным, если не для последующей практики, то хотя бы для понимания природы своего болезненного состояния (забегая вперед, скажу, что мои надежды в этом смысле не оправдались, и полученное образование ничуть не продвинуло меня к объяснению причин моего нездоровья).

- И потом, - любил повторять отец, - с должным образованием ты сможешь заняться любой наукой, какой пожелаешь. Мистер Тальбот, к примеру, в юности не думал ни о какой фотографии. Прежде он стал уважаемым ученым, а уж затем увлекся своей калотипией.

К наукам у меня действительно были все способности. Без ложной скромности скажу, что учился я всегда успешно, проявляя усердие и выдержку там, где мои сверстники скучали и теряли всякое терпение. Об этом я имел возможность судить лично.

Как-то у нас полгода проживал мой кузен Гарольд, сын сестры моей матери. Он был мне ровесник, и тогда я впервые обнаружил разницу характеров между мной и другими детьми. Оставалось только удивляться несдержанности и буйному темпераменту моего брата.

Гарольду было так скучно на уроках, что он постоянно придумывал всяческие отговорки и причины, которые позволили бы нам быстрее окончить занятия. Когда его весьма талантливо сыгранные инсценировки с разнообразными болезнями перестали производить на нашего учителя миссис Коллинз должное впечатление, в ход пошли мертвые жуки, тараканы и прочие насекомые, оказывающиеся у учителя в тетрадях и книгах.

После того, как была разыграна и эта партия, Гарольд перешел к артиллерии более внушительными животными. Как-то перед занятием он подсунил в портфель учительнице большую дохлую крысу, которая оказалась живой, и во время урока пыталась выбраться на свет из тесного жилища. Подслеповатая миссис Коллинз опознала животное только когда нащупала крысу в портфеле и вытащила ее оттуда за жирную усатую морду.

Вначале Гарольд ликовал, ведь мы остались без репетитора (миссис Коллинз наотрез отказалась появляться в нашем доме). Но после крепкой взбучки братца к нам приставили такого учителя, при котором мы оба боялись даже пикнуть.

Тогда Гарольд сосредоточил свое внимание на мне. С одержимой настойчивостью он стремился вовлечь меня в свои игры, без конца придумывая все новые забавы, и мне до сих пор непонятно, откуда он черпал силы и энергию для этого. В конце концов, его неугомонный нрав стал донельзя тяготить меня.

Еще тогда, в отрочестве, я впервые осознал ценность одиночества и дал себе зарок ни при каких обстоятельствах не обременять себя отношениями с кем бы то ни было, кроме родителей. И данное обещание я с честью сдержал, если не считать общества приставленной ко мне компаньонки моей матери Марты Харрингтон, ирландки по происхождению.

Эта девушка вошла в нашу семью, когда умер отец. В то время я заканчивал обучение в Эдинбурге, и не мог обеспечить мать должной заботой. Мисс Харрингтон за считанные недели смогла настолько обаять мать и сделаться незаменимой в нашем доме, что матушка перевела ее из сиделки в компаньонки, обеспечив немалым жалованием и впоследствии отписав приличное наследство.

Вначале я был рад постоянному присутствию компаньонки в нашем доме, так как ее влияние на мою мать было очевидным и заслуживало самой высокой похвалы. Но потом дело приняло неожиданный поворот. Незадолго до своей смерти матушка взяла с меня обещание оставить Марту в доме в качестве моей помощницы. Девушка и впрямь была очень смышленная и крепко держала в своих руках все дела по нашему имению, и я с легкостью согласился. Однако я и предположить не мог, что выйдет из данного матери обещания.

Дело в том, что после смерти родителей меня все чаще одолевали сильные мигрени, и я мог днями не выходить из дома из-за мучительных головных болей. Адские боли, в свою очередь, отзывались во всех клетках моего тела и порождали такие приступы страха смерти, что я частенько прощался с жизнью.

Марта же стала для меня настоящим спасением, а по сути, единственным другом, без которого я уже не мыслил своего существования. Часы напролет девушка сидела рядом с моей кроватью, давая мне нюхательные соли, прикладывая холодные компрессы и накладывая руки на мою голову. Каким-то сверхъестественным чутьем она определяла особо болезненную зону. Ее руки заставляли боль отступить, панический бред исчезал, и я мог снова свободно вдыхать воздух.

Удивительно, но постоянное присутствие мисс Харрингтон не раздражало меня, как общение с любыми другими людьми. Напротив, мне было приятно ее общество, и в этом я могу признаться лишь теперь, спустя столько лет.

Марта проявляла чудеса скромности, хотя была единственным человеком, жизнью которого я интересовался. К примеру, она почти не рассказывала о своем детстве в Ирландии, и всякий раз, когда разговор касался этой темы, в ее глазах мелькало странное, почти болезненное выражение. Она либо переводила беседу на другое, либо отделялась короткими, уклончивыми фразами, которые лишь добавляли ей таинственности.

Ко всему прочему, скажу, что девушка отличалась не только сильным характером, но и весьма впечатляющей внешностью. Вопреки ирландским корням, у нее были темные, почти черные волосы, и смуглая кожа. А темно-карие глаза выразительно смотрели на собеседника, без слов убеждая в своей правоте и призывая к неукоснительному выполнению ее, без сомнения, праведных требований. Не скрою и то, что кроме поразительно красивого лица, господь наделил Марту выдающимися женскими формами и осиной талией.

Наверное, из-за этих ее достоинств, а также по причине моей крайней необщительности с другими представительницами противоположного пола, все мои знакомые пребывали в уверенности относительно имеющейся между нами личной связи, что ставило меня порой в двусмысленные, если не сказать дурацкие ситуации.

Сама же Марта словно не замечала интригующих взглядов посетителей дома. Казалось, она считала ниже своего достоинства растрачивать внимание на всех остальных, кроме вверенного ей на попечение молодого мужчины (то есть меня). Да-да, с первого дня нашего знакомства, после представления нас матушкой, у меня возникло ощущение, что теперь я нахожусь под неусыпной опекой этой девушки. Чувство, наверняка испытываемое каждым ребенком, которому посчастливилось находиться под защитой мудрого и любящего родителя. Странное ощущение для мужчины, к тому же старшего эту девушку по возрасту. Но, по правде, дело обстояло именно так.

В общем, со временем и я научился воспринимать наше с Мартой общение как нечто, не укладывающееся в привычные обществу рамки, и следовательно, не приемлемые для понятного объяснения третьим лицам.

Теперь, пожалуй, я рассказал достаточно, чтобы перейти к сути своего повествования.

Глава II. Дама со снятой головой

Я заканчивал утренний туалет, когда в дверь ванной комнаты постучала Марта.

- Мистер Бакстер, вас спрашивает мистер Берч. Мне сказать, чтобы он зашел после завтрака?

- Нет-нет, ни в коем случае, Марта, пригласите его позавтракать с нами, - ответил я.

Гарольд Берч – мой кузен, о котором я рассказывал ранее. Теперь он состоял на службе в лондонской полиции и, надо сказать, достиг там немалых высот: дослужился до звания инспектора и был на хорошем счету у начальства, что сулило ему продвижение и в дальнейшем. По правде сказать, я так и не смог понять иронию судьбы, позволившую этому неугомонному задире, который, помнится, не мог самостоятельно решить ни одной сколь-нибудь сложной задачи, сделать себе имя в британской полиции. Как все же непредсказуема судьба человека

После знакомства с Мартой Гарольд стал на удивление частым гостем в моем доме, что наводило на определенные размышления. Впрочем, он и не скрывал свое восхищение моей

помощницей (после пожара Марта продолжала у меня служить по собственной воле, обходясь без жалования, ко всему прочему, внося приличный финансовый вклад в общее хозяйство, поэтому прислугой я ее теперь никак не мог называть).

Но девушка не отвечала кузену взаимностью. Напротив, будучи весьма прямолинейной, Марта неоднократно демонстрировала если не неприязнь, то, по крайней мере, свое неодобрение его шумной и заносчивой персоны. Но, казалось, такое поведение Гарольду нравилось и еще больше подстегивало на всяческое выражение своей благосклонности.

Вот и теперь он стоял у обеденного стола с корзиной фиалок, восхищенным взглядом наблюдая за тем, как Марта заканчивает приготовления к завтраку. По-видимому, она так и не предложила гостю сесть, и я подумал, что нужно выбрать подходящее время и все-таки уговорить девушку быть полюбезнее с моим братом.

После обмена приветствиями, мы сели за стол.

- Что нового на службе обществу? – расправляясь с порцией картофельной запеканки, начал беседу я.

- Вот с этим я и пришел к тебе, Ноэль, - обращаясь ко мне, но смотря при этом на Марту, заговорщицки проговорил Гарольд. – Мне поручили, точнее, я сам вызвался, сопровождать в морском путешествии до Америки и обратно одну видную правительственную шишку – сэра Генри Стоуна. Я сразу подумал о вас с Мартой: после этого жуткого пожара такая поездка как нельзя кстати была бы для вас обоих. Только представь, месяц чистого морского воздуха на шикарном пароходе – что сейчас может быть лучше?

Я растерялся. Вообще-то я никогда не был склонен к внезапным переменам в жизни, тем более, к авантурным мероприятиям, на которые был щедр мой кузен. И мои мысли свелись только к тому, как в очередной раз отвергнуть предложение Гарольда, по возможности, без утомительных объяснений. Наконец, я нашелся:

- Но мне это не по карману, Гарольд, ты же знаешь.

- Чепуха, я уже обо всем договорился! – словно предвидя мои возражения, ответил кузен.

- Ты же, помнится, занимался фотографией, и аппарат у тебя есть.

- И что из того? – не понял я.

- А то, что капитан корабля, Итон Кендалл – мой старый приятель. Недавно за партией в бридж он жаловался мне, что возить толстосумов – сущее наказание. Они целыми днями шатаются по борту и сходят с ума от безделья. Правда, там уже набран целый штат артистов, но они для вечерних представлений. А что пассажиры будут делать днем? И когда я предложил услуги знакомого фотографа, он был счастлив. Только подумай, Ноэль, за одну фотографию на корабле эти богачи выложат сумму в несколько раз больше, чем в любом лондонском салоне!

Тут Гарольд сделал паузу, видимо для того, чтобы насладиться моментом своего триумфа в глазах Марты. Мы тоже молчали. Не вытерпев и двух секунд, он продолжил:

- Больше того, я сразу поставил Кендаллу условия: каюта и питание за счет судоходной компании, и главное – отдельная каюта для твоего ассистента.

При этих словах Гарольд вскинул голову и торжествующе посмотрел на Марту.

Признаюсь, в тот миг мое сердце сжалось от внезапного радостного волнения, охватившего меня. Что, если и правда, совместить увлечение с получением прибыли? А этот вездесущий запаха гари! Ведь теперь мигрени мучали меня каждый вечер. Но как все это осуществить? Отбросив иллюзии, я ответил:

- Спасибо за хлопоты, Гарольд, но ты даже не представляешь, о чем говоришь. Знаешь ли ты, как трудно проявлять отснятые пластины в походных условиях? Это почти невозможно. С собой нужно иметь массу разных приспособлений и химикатов. Кроме того, на проявку одной фотографии уходит уйма времени даже в моей лаборатории.

Наконец, в разговор вступила Марта. Честно говоря, я ожидал мнения своей помощницы, и ее затянувшееся молчание тяготило меня. Стыдно признаться, но я давно не принимал

сколько-нибудь значимого решения без нее. Однако такого отклика я не ожидал. Впервые на моей памяти она улыбнулась Гарольду и с чувством произнесла:

- Это чудесное предложение, мистер Берч! Вашему брату действительно нужно сменить обстановку, а лучше морского путешествия ничего и желать нельзя!

И, обернувшись ко мне, деловым тоном сказала:

- Мистер Бакстер, я давно говорила, что в своем увлечении вам необходимо идти в ногу со временем. В продажу давно поступили пластины, которые не нужно проявлять немедленно. На пароходе вы сделаете снимки желающих, а по возвращении мы их проявим, и разошлем фотографии по почте.

- Какие мудрые слова, - не упустив возможности лишний раз польстить Марте, воскликнул Берч, - держись своей помощницы, Ноэль!

Доводы Марты действительно были весьма убедительными, и я сдался.

- Хорошо, я подумаю над предложением, - тихо сказал я.

Но мои собеседники впервые были за одно, что осложняло мою ситуацию.

- Ну что тут думать, мистер Бакстер? – воскликнула Марта, и, обратившись к Гарольду, коротко спросила, - когда отплытие?

Теплым майским утром легкий ветерок приветствовал собравшихся в порту гостей парохода «Великобритания», а я даже улавливал в нем нотки морского бриза. Мы с Мартой как зачарованные рассматривали наш корабль. Это был внушающий уважение металлический гигант, возвышающийся над нами футов на сорок. В длину же он простирался на необозримое расстояние, и для меня было загадкой, как он маневрировал для швартовки в порту.

На пароходе было четыре палубы, включая верхнюю. Наши каюты находились на второй палубе, где, как я понял, располагались каюты артистов, нанятых для развлечения гостей. В небольшом, но очень уютном пространстве каюты было все необходимое для длительного морского путешествия, и наше плавание обещало быть приятным.

Гарольд не заставил себя долго ждать. Разместив охраняемую особу на верхней палубе (каюта кузена располагалась там же), через несколько минут он уже справлялся у Марты, понравилось ли ей ее временное жилище. Моя каюта не была закрыта наглухо, поэтому я услышал разговор своих друзей.

- Все просто чудесно, благодарю вас, нас с мистером Бакстером все устраивает, - ответила моя помощница и я с удовлетворением отметил про себя, что Марта, наконец, стала проявлять признаки дружелюбия к брату.

Но Гарольду, по-видимому, не понравилась вторая часть ее высказывания, потому что он хмыкнул и сказал:

- Для меня самое важное, как себя чувствуете вы, Марта.

Эта фраза подтвердила мою догадку об истинной причине хлопот кузена о моем здоровье и дополнительном заработке, но я и раньше не обольщался насчет братских чувств Гарольда. «В конце концов, я тоже не питаю к нему нежности», - признался себе я и уже не вслушивался в их дальнейший разговор.

Вскоре Гарольд постучал в мою дверь.

- Перед обедом предлагаю ознакомительную прогулку по верхней палубе. Должны же вы понимать, с какой публикой вам придется работать. Через час я зайду за вами с Мартой.

Верхняя палуба предназначалась для отдыха пассажиров первого класса, и Гарольд с важным видом провел нас мимо огромных размеров стюарда, одетого в синюю, отороченную золотом, ливрею, явно пошитую специально для него.

Наверху корабль поражал роскошью и красотой убранства. Ноги утопали в персидских коврах, устилающих лестницы с ажурными периллами и позолоченными вставками. В богато

украшенных залах играли музыканты, а на открытой палубе чинно прогуливались сливки британского общества.

Меня приятно удивил интерес к Марте со стороны всех встречающихся нам гостей корабля. Ее платье было гораздо скромнее роскошных одеяний присутствующих дам, но это только подчеркивало ее естественную красоту и природное очарование. Все джентльмены как один провожали ее восхищенным взглядом. А дамы, перехватывая взоры своих кавалеров, пристально осматривали Марту с головы до ног.

Только тогда я осознал, что еще ни разу не появлялся со своей помощницей в свете. Не скрою, меня охватило чувство гордости от сопровождения такой премилой особы.

- Это артистка из театра Принца Уэльского, о ней была статья в «Пэл-мэл гзет», - донеслись до меня обрывки разговора с пожилым джентльменом одного молодчика в узких щегольских брюках, не сводившего взгляда с Марты.

Гарольд что-то без конца щебетал, идя по левую руку от девушки, и не оставлял никакого шанса другим на проявление своего внимания.

- Марта, вы произвели на эту публику неизгладимое впечатление, - не сдержался я в конце нашей прогулки. – Кажется, вас даже приняли за звезду театральных подмостков.

Девушка не ответила, но я был уверен, что ей льстило такое внимание.

Наш обед проходил в салоне второй палубы. Здесь обстановка была менее вычурная по сравнению с верхними палубами корабля, но для меня, признаться, это было предпочтительнее. Я понял, насколько отвык от чопорной английской знати, и в компании публики попроще чувствовал себя гораздо свободнее. А если быть совсем честным, то тогда я думал только о том, чтобы не дать подступающей к горлу тошноте одолеть меня.

Еще до отплытия из порта я со всей отчетливостью уловил первые признаки морской болезни, но решил ни за что не придавать внимания своему самочувствию, чтобы не портить себе и Марте поездку. Я не мог допустить, чтобы во время своего первого морского путешествия девушка была заключена в моей каюте в компании нюхательных солей и компрессов. Тем более, что Гарольд уже разрекламировал мою фотографию и появились первые желающие раскошелиться за памятные снимки.

Мы с Мартой столовались за одним из больших прямоугольных столов с накрахмаленными скатертями в окружении не менее двух дюжин разномастных артистов. Об их роде деятельности можно было догадаться по громким разговорам, свободным манерам и броским туалетах дам. Здесь были и неугомонные циркачи, и экзальтированные актрисы аристократического театра варьете, и несколько шумных музыкантов одного популярного лондонского мюзик-холла. Еще в противоположном углу зала я заметил несколько артистов из цирка уродцев.

Мне повезло с соседкой по столу. По правую руку от меня обедала известная оперная певица по фамилии Даламан. Эта дородная, преисполненная чувства собственного достоинства дива, к счастью, соблюдала все правила столового этикета и, если бы не бьющий в нос пряный с восточными нотами аромат ее духов, я бы вообще не заметил ее присутствия.

Однако, Марте не так благоволило провидение. Слева от нее сидел очень полный лысый мужчина неопределенного возраста. Он не был умерен в напитках, и опустошал бокал за бокалом, время от времени предлагая Марте присоединиться к его занятию. Каждый раз Марта вежливо отказывалась от предложения, но через пять минут он, видимо, начисто забывал ее ответ и предлагал снова. Его соседка по другую руку – рыжеволосая пожилая дама с ярким вечерним макияжем – постоянно одергивала толстяка и посылала Марте извинительные взгляды.

Место напротив меня вначале пустовало, но вскоре его заняла весьма колоритная личность, нарочито медленно подошедшая к столу. Это была очень высокая, худощавая дама

почтенного возраста с горделивой, даже царственной осанкой. Она была одета в черное платье с множеством перьев, бантов и оборок, а ее лицо закрывала черная вуаль. Руки тоже покрывали черные сетчатые перчатки, поверх которых в большом количестве размещались кольца и браслеты.

Располагающиеся по обеим сторонам от нее молодая девушка и пожилой джентльмен при ее приближении вскочили со своих мест и помогли ей сесть. Мы с Мартой невольно переглянулись.

Как мы узнали, даму звали Сибилла Гольдштейн. Я краем глаза с интересом наблюдал за ней. Но когда стюард принес ей блюдо, произошло невообразимое. Мисс Гольдштейн чинно приподняла вуаль и руками в перчатках стала ощупывать все находящееся на тарелке.

Сначала я замер от изумления. К горлу предательски подкатила тошнота, и мне стоило больших усилий сдержаться, чтобы не случилось страшного. Стараясь ничем не выдать отвращения, я уткнулся в свою тарелку, но вдруг почувствовал на себе такой пристальный взгляд, что я невольно вновь взглянул на женщину.

И вот тут я по-настоящему оторопел. Вместо обычных человеческих зрачков я уперся взглядом в два зияющих распухших белка, покрытых желтой поволокой. От неожиданности я едва не вскрикнул. Но это было бы полбеды. Я почувствовал такой острый приступ тошноты, что единственным выходом во избежание прилюдного позора было закрыть рот рукой и, сорвавшись с места, выбежать из зала.

Два следующих дня прошли как в тумане. В перерывах между приступами рвоты я пытался выдворить Марту из своей каюты. Мне было стыдно и неловко перед ней. Не в силах даже налить себе стакан воды, я нуждался в помощи, но гнал ее от себя. Уверен, что любой джентльмен поступил бы так же. Но Марта Противоречить ей в том, что она считала своим долгом, означало пустое сотрясание воздуха и бесполезную трату сил, которых у меня, к тому же, не было. Не знаю, чем я заслужил такую верную помощницу, но в тот момент я хотел только одного – остаться наедине с треклятой морской болезнью.

Как ни странно, мне помог Гарольд. Для меня так и осталось загадкой, как он умудрялся выполнять свои обязанности по охране важного лица, только он все время торчал недалеко от Марты. А так как Марта проводила свое время у постели больного (то есть меня, разумеется), то и Гарольд был тут как тут.

В период забытья мне даже мерещилось, что я опять сижу с ним за большим дубовым столом, и подслеповатая миссис Коллинз тычет нам в учебники своей длинной указкой.

Как-то я уллучил момент и слезно попросил Марту спасти меня от постоянного общества кузена.

- Марта, если вы и вправду заботитесь о моем самочувствии, прошу вас, не дайте мне сойти с ума от болтовни кузена. Молю, выпроводите его отсюда!

Марта могла это осуществить, лишь находясь вместе с Гарольдом вне пределов моей каюты, и я радовался тому, что убил тем самым двух зайцев.

На четвертый день путешествия мое самочувствие непостижимым образом нормализовалось. Настроение и аппетит были высокими как никогда, а тесная каюта настолько мне опостылила, что я почти целый день провел, прохаживаясь по кораблю.

- Вечером в главном салоне объявлено представление, и тебе необходимо на нем побывать, - убеждал меня Гарольд. - Позавчера там давали превосходный спектакль, и мы с Мартой остались довольны.

Гарольд был в превосходном настроении, даже лучше, чем обычно. Я понимал, с чем это связано. Марта стойко выполняла мою просьбу, ограждая меня от кузена. Он же счел это проявлением благосклонности с ее стороны, и чертовски гордился своими успехами. Мне даже стало немного жаль его. Но пойти развлечься точно не мешало.

Представление проходило в самом большом и шикарном салоне корабля. Огромные хрустальные люстры, свисающие с высокого потолка, переливались всеми цветами радуги, а обитые темно-фиолетовой бархатной драпировкой стены создавали ощущение пребывания в поистине королевском зале. Перед сценой располагались многочисленные круглые столики, накрытые на четверых гостей.

Нас расположили за одним из них в первом ряду с тем, чтобы Гарольд находился в непосредственной близости от охраняемой им персоны.

Свет приглушили и шоу началось. Сначала выступала знакомая нам оперная певица с проникновенным исполнением лирической партии. Затем публику развлекали исполнители комедийных скетчей, от которых все были в восторге. Даже я, несмотря на врожденную меланхолию, смеялся до колик в животе.

Далее шли выступления воздушных акробатов, фокусников и шпагоглотателей. Владельцы судоходной компании не поскупились на развлечение богатой аудитории обилием артистов разнообразных жанров, потому что во второй части началось представление цирка уродцев. На сцене долгое время кривлялся уродливый карлик в женской одежде и парике, а затем выплясывали одноногие танцоры.

Не знаю, почему публику влечет к обозрению такого рода физических недостатков, но для меня эти выступления были если не пыткой, то уж точно неприятным времяпрепровождением. И по реакции Марты я понял, что мы с ней сходимись во мнениях. Я не мог дожидаться, когда же закончится вечер, но последнее выступление меня сильно взволновало.

Конферансье объявил выход знаменитого медиума. На сцену так же медленно, как и тремя днями ранее в обеденном зале, вышла Сибилла Гольдштейн в том же черном платье, перчатках и вуали, скрывающей ее лицо. Она расположилась за небольшим столом, принесенным для нее.

- Почтенная мисс Гольдштейн проникает в прошлое, настоящее и будущее. И сейчас у вас есть возможность узнать главные события своего будущего, - нараспев продекламировал конферансье и попросил желающих положить на поднос по одному личному предмету.

Я, разумеется, не пожелал принять участие в этом сомнительном ритуале, а Марта, напротив, с воодушевлением сняла с одного уха маленькую жемчужную серьгу и положила ее на поднос.

В наступившей тишине гадалка долго перебирала вещицы. Затем низким глубоким голосом произнесла:

- Я должна предостеречь владельца этого предмета.

С этими словами она приподняла вверх карманные часы на толстой золотой цепочке в виде змеиной чешуи.

- Чьи это часы? – спросила она.

В зале по-прежнему висело глухое молчание. По-видимому, на публику произвела впечатление личность мисс Гольдштейн.

Наконец, один грузный мужчина поднялся из-за столика, стоящего чуть впереди нашего. Он с усмешкой спросил:

- И чего же мне ждать от своего будущего, дорогуша?

- Его у вас уже нет, - тихо произнесла Сибилла Гольдштейн, и я уверен, каждого в это мгновение пробрал озноб.

- Не понял?! - вызывающе уточнил мужчина, - Я – Говард Аддерли, и если у меня нет будущего, то у кого оно вообще есть?

При этих словах он зашелся смехом, видимо, посчитав их хорошей шуткой.

- С вами скоро случится несчастье, - пояснила женщина.

- Вы, вероятно, так развлекаете своих гостей, но здесь вам не третьесортный лондонский паб, дамочка! Поэтому оставьте свои предостережения для незадачливых юнцов, - надменно выпалил Аддерли, усаживаясь в кресло.

- Воля ваша. А кто владелица этой вещицы?

Вещь была очень маленькой, и конферансье пронес ее по рядам, чтобы ближе показать зрителям. Когда он проходил мимо нашего столика, Марта тихо вскрикнула. Это была ее серьга. Я немало удивился. Из всего обилия имеющихся на подносе предметов мисс Гольдштейн выбрала украшение Марты. Признаться, меня охватило беспокойство. Я видел, что и Марте стало не по себе. Однако, хватило мгновения, чтобы присущие ей смелость и решительность одержали верх над волнением.

Девушка поднялась с кресла и громко сказала:

- Это моя серьга.

Женщина в черном не торопилась поддержать разговор. Казалось, она в задумчивости рассматривает мою помощницу. Но я знал, что гадалка слепа как крот, и ее промедление еще сильнее тревожило меня. Но вскоре женщина заговорила, и слова, которые она произнесла, навсегда врезались в мою память.

Вот в точности то, что она сказала:

- Вы близки с человеком, которому суждено стать орудием возмездия. Я обращаюсь сейчас к нему. В ваших руках обрело силу нечто, что старо как мир. Отнеситесь к нему с почтением и открытым сердцем. Зеркало покажет вам истину, и мертвые обретут возможность заговорить.

Помню, как услышав это, я выдохнул и чуть не рассмеялся. Наш Гарольд – орудие возмездия? Как высокопарно сказано! Но, взглянув на кузена, осекся. Оказалось, что Гарольд принял эти слова слишком близко к сердцу. В его глазах блеснули слезы, и он сидел, вытянувшись как струна, преисполненный чувства гордости, долга и ответственности за судьбы соотечественников.

Тогда никто из нас не понял, что речь шла обо мне.

Дальнейшее плавание проходило превосходно. За неделю я отснял двадцать пять(!) пластин и получил за них авансом сумму, превосходящую мой трехмесячный доход от сдачи земли в аренду. При этом, меня ни разу не тревожили мигрени, я много спал, гулял по палубе и вместе с моими друзьями посещал все вечерние представления.

Но в одну ночь все изменилось.

Я уже начал путешествие в царство Морфея, когда меня разбудил требовательный стук в дверь. На пороге стоял всклокоченный Гарольд. Видимо, он тоже был выдернут из постели, потому что его вид нельзя было назвать аккуратным: сюртук застегнут через одну пуговицу, жилет отсутствовал, а ворот сорочки с одной стороны замялся во внутрь.

Я неодобрительно смотрел на кузена. Втиснувшись в мою каюту и плотно закрыв за собой дверь, Гарольд затараторил:

- Ноэль, один из пассажиров первого класса скончался. И кто бы ты думал? Тот самый Говард Аддерли! Ты ведь знаешь, что это шерстяной магнат?

Я слушал брата в недоумении, все еще не понимая, для чего он пришел ко мне.

- И по показаниям троих свидетелей, его партнеров по висту, это было самоубийство! Он выстрелил себе в висок прямо у них на глазах! – как заведенный продолжил кузен.

Наконец, уловив в моем взгляде вопрос, Гарольд пояснил цель своего визита:

- Чтобы не вызвать на корабле панику, труп нужно убрать как можно быстрее. Но, черт возьми! Как представителя полиции, капитан попросил меня выяснить детали этого дела, чтобы потом по всей форме доложить руководству. И мне нужно, чтобы ты на всякий случай сделал фотографию места его смерти.

- То есть фотографию трупа? – уточнил я. – Но никто не делает снимки ночью. Для фотографии нужен яркий солнечный свет.

- Прощу тебя, Ноэль, хотя бы попытайся, - произнес Гарольд, и я, конечно, не смог ему отказать.

На шум закрывающейся двери в коридор выглянула Марта, и нам пришлось рассказать ей печальные новости.

- Вы должны взять меня с собой! – решительно сказала девушка.

- Но, Марта, это зрелище не для ваших прекрасных глаз. Поверьте, вы ничего не потеряете, если не увидите этого, - уговаривал ее Гарольд, но Марта была непреклонна.

- В конце концов, я – ассистент мистера Бакстера по фотографии, и это такое же мое дело, как и его.

Через минуту моя помощница была одета для выхода, и мы втроем поднялись на верхнюю палубу.

Мы прошли в небольшую гостиную для карточных игр, охраняемую двумя матросами. Труп полулежал в кресле, расположенном возле одного из квадратных столов, покрытых зеленым сукном. На столе были разбросаны карты. На ковре невдалеке от стола лежал револьвер. Тело удерживалось левым подлокотником кресла, а само кресло стояло спинкой ко входу.

Нам пришлось обойти столик, чтобы взглянуть на мертвеца. Открывшаяся картина холодила душу. На голове зияла огромная рана, кровь была разбрызгана по креслу и столу. На ковре под свисающей головой образовалась целая лужа темно-красного цвета, в которой лежали карты.

Я уловил тошнотворный запах крови, и меня снова чуть не стошнило. Я решил как можно скорее сделать свое дело и убраться восвояси.

Гарольд вместе с приставленными к нему помощниками принялся осматривать территорию салона, а мы с Мартой, стараясь не смотреть на мертвеца, занялись подготовкой к фотографии.

Девушка действительно оказалась очень полезна, так как без нее я не смог бы осветить место. После того, как для фотографирования было задействовано все возможное освещение, и я битых десять минут промучился с выбором ракурса и фокусировкой, на экране, наконец, появилось довольно четкое изображение места происшествия с мертвецом в центре. Я удовлетворенно щелкнул затвором и хотел было навсегда покончить с наблюдением этой неприглядной сцены.

Но мой взгляд удержало какое-то движение на фокусировочном экране. Примерно с секунду я смотрел на появившееся изображение в видоискателе, и не мог оторвать от него глаз. Я чувствовал, как холодный пот струится по спине, как холодеет сердце. Я не мог поверить тому, что видел.

Наконец, я осознал, что фокусировочный экран отображает то, на что направлен объектив, и оторвал взгляд от аппарата. За столом по-прежнему сидел мертвец с запекшейся кровью на голове.

Я вновь обратился к фотоаппарату. Теперь изображение на экране в точности повторяло реальное место происшествия. Я не знал, что думать. Дикий страх пронзил мое сердце. Наверное, я стоял с таким потерянным видом, что Марта не на шутку перепугалась.

- Мистер Бакстер, вы слышите меня? С вами все в порядке, мистер Бакстер? – повторяла она, поддерживая меня за плечи и усаживая на ближайший диван.

- Я схожу с ума, Марта, - наконец, отозвался я.

- Что случилось? Вам нехорошо? Давайте вернемся в каюту!

- Вы не понимаете то, что я увидел но ведь этого не может быть, - я умоляюще смотрел на Марту, словно она была в силах объяснить происшедшее.

- Что вы увидели? Где? – недоумевала Марта.

- На своем фотоаппарате, в тот момент, когда я сделал фотографию, там я наблюдал потрясающую сцену. Я видел четверых мужчин, сидящих за карточным столом. Лицом ко мне сидел живой Говард Аддерли. За его спиной возникла женская фигура в черном платье и вуалью на лице. Она поднесла револьвер к виску Аддерли. Короткая вспышка, и мужчина упал замертво. А дама в черном сняла с плеч свою голову.

Глава III. Смерть в карточном салоне

Я пришел в себя от холода, сдавливающего голову. Открыв глаза, я тут же успокоился. Рядом сидела Марта и прижимала к моему лбу салфетку, смоченную водой. Девушка выглядела озабоченно. Впервые при обращении ко мне в ее голосе звучала печаль, и я сразу уловил это.

- Как вы себя чувствуете?

Марта наклонилась, чтобы поправить мне компресс, и в вырезе ее платья качнулся небольшой амулет – миниатюрное колесо с восемью спицами, вырезанное из потемневшего сандала. Он висел на простом шнурке и явно был очень стар. Поймав мой случайный взгляд, она резко выпрямилась и спрятала кулон за воротом.

- Что, Марта, мои дела совсем плохи? – горько усмехнувшись, произнес я. – Думаете, моя болезнь прогрессирует?

- Не придумывайте, мистер Бакстер, – по-деловому ответила Марта. – Но потеряли сознание вы, действительно, впервые.

Я осмотрелся. Мы по-прежнему находились в злополучном салоне, где фотографировали мертвеца. К счастью, труп уже вынесли, и двое уборщиков старались привести комнату в надлежащий вид.

Когда моя память полностью восстановила события до потери сознания, я снова почувствовал себя нехорошо.

- Это уже не просто фантазии, Марта, или какой-то болезненный фантом. В лучшем случае это была оптическая иллюзия, в худшем

Я не успел договорить, потому что в наш разговор вмешался Гарольд.

- Наконец-то, очнулся! – заявил он, и что мне стало неловко за свою мягкотелость перед остальными, находящимися в комнате.

- Ну, знаете ли, – заступилась за меня Марта, – это вы привыкли ежедневно обозревать мертвецов, а для любого нормального человека такое зрелище – чистый кошмар!

Гарольд виновато потупил взор и замолчал. Я в который раз удивился власти, которой обладала Марта над моим кузеном. Но меня так напугало мое состояние, что мне было не до тонкостей их взаимоотношений. Мне хотелось, точнее, было необходимо, рассказать о случившемся кому-то еще. И я поделился с Гарольдом тем, что увидел на экране своего аппарата.

Неожиданно для меня, кузен серьезно отнесся к моим словам.

- Так ты говоришь, что видел, как женщина в черном платье с перьями выстрелила в голову Аддерли? – уточнил Гарольд, и тут же спросил, – А кто, по-твоему, была эта дама?

- Ну, я сразу подумал о мисс Гольдштейн, но ты же понимаешь, Гарольд, насколько все это смехотворно – тяжело вздохнув, протянул я.

- Ничуть! – снова удивил меня кузен, и, видя наше с Мартой непонимание, пояснил, – По крайней мере, по этим двум причинам.

Гарольд развернул перед нами носовой платок, в котором находились два маленьких черных перышка, испачканных кровью. Мы все многозначительно переглянулись.

- Одно перо я обнаружил на виске покойного, другое – на полу рядом с револьвером. Случайное совпадение?

Какое-то время мы молчали. Даже словоохотливый Гарольд пребывал в размышлениях, сосредоточенно сверля взглядом носки своих туфель. Я вовсе потерялся в собственных мыслях, и не знал, что думать.

- Мистер Бакстер, - первой нарушила молчание Марта, - я помню, вы говорили, что после пожара вам пришлось вставить в свой фотоаппарат какое-то старинное зеркало?

- Да, и с этим зеркалом связана прелюбопытная история, - откликнулся я и, как если бы от этого зависела моя жизнь, в подробностях пересказал собеседникам то, что видел в детстве в дядиной гостиной.

На несколько минут Марта и Гарольд превратились в детей, которым рассказывали страшную историю перед сном. А в завершении рассказа о гибели дяди от змеиных укусов, они и вовсе слушали меня, округлив глаза.

Затем настала очередь Марты удивить нас. Девушка опустила глаза и проговорила:

- Мое детство прошло в глухой деревушке, где знать не знали о докторах. Я была сиротой, и воспитывалась своей бабкой. Ее в деревне очень уважали, и благодаря ей я смогла перебраться в Англию. Так вот, моя бабка была ведуньей, и от нее я многое узнала о том, о чем не принято говорить в ученом обществе.

Марта какое-то время молча глядела на нас своими красивыми умными глазами. Казалось, она оценивала, стоит ли продолжать. Убедившись в нашей искренней заинтересованности, девушка снова заговорила:

- Люди всегда знали, что зеркала – это не просто отражающие предметы. С их помощью можно не только видеть наш мир с другой стороны, но и проникать в иные пространства, постигать будущее и даже общаться с мертвыми. Большинство зеркал молчаливо хранит свои тайны, но есть особенные, находившиеся на службе у провидцев. Они могут проявлять магические свойства независимо от желания нового владельца.

Слова Марты не укладывались у меня в голове, и я перебил ее:

- Так вы хотите сказать, что зеркало, привезенное дядей из Индии, показывает, как умер фотографируемый человек?!

- Похоже, это так. Да и чем иначе объяснить видение вашего дяди про обстоятельства своей гибели?

- Допустим, но почему, когда я фотографирую живых, мне ничего не мерещится? Ведь зеркало напророчило дяде обстоятельства его смерти, когда он был жив, и значит, должно предсказывать смерти всех, кого я снимаю.

- Этого я не знаю. Может, зеркало предсказывает только скорую смерть, а те люди будут жить еще долго. А может, - здесь Марта замялась, и я чувствовал, что она не хочет о чем-то мне говорить.

Я взглядом умолял ее продолжить.

- Вы говорили, что дядя пытался разбить зеркало, и оно попало к вам в руки треснутым?

- Да, именно так.

- Битое зеркало меняет свои свойства, и может быть очень опасным для людей. Больше я ничего не знаю, - ответила девушка, и подумав, добавила, - кстати, теперь понятно, к кому были обращены слова мисс Гольдштейн на сеансе. Говоря про орудие возмездия, она имела в виду вас, мистер Бакстер.

Наверное, последние слова Марты заделали моего брата, потому что он быстро сменил тему.

- Да-а-а-а, – как ни в чем ни бывало протянул Гарольд. – Возможно, мы имеем дело с убийством. Во всяком случае, теперь все кажется не таким очевидным. Видение Ноэля подтверждает мои сомнения. Но что значит его последняя часть – со снятием головы? Это слишком даже для убежденных мистиков.

Мы согласились с Гарольдом.

- Надо бы поговорить со стюардом, следящим за порядком на этой палубе, - решил кузен.

Верзила-стюард в синей ливрее испуганно смотрел на приближающегося Гарольда, видимо, не ожидая ничего хорошего от беседы с полицейским.

- Скажи, как тебя звать, голубчик, - доведенной до автоматизма фразой начал расспрос Гарольд.

- Михаэль, сэр, - ответил стюард на удивление высоким, я бы сказал, немного детским голосом.

Тут я заметил и странность в его внешности. Руки стюарда были слишком коротки по отношению к туловищу и всей комплекции этого грузного мужчины. Я вспомнил, что всегда, когда я его видел, стюард держал руки за спиной, и только теперь, когда он нервозно теребил ими носовой платок, была отчетливо видна эта диспропорция. Его руки еле-еле сходились на животе, и наверное, бедняге стоило немалых усилий совершать обычные для всех людей действия.

- Так вот, Михаэль, внимательно послушай мой вопрос: кто после вечернего представления проходил мимо тебя?

Стюард прикрыл глаза и сморщил лоб от напряжения. Через мгновение он выпалил:

- После вечернего представления в свои каюты спустились братья-дрессировщики Рэмси, фокусник Нокс, двое комиков (не знаю их фамилий), смешной карлик Викки, как он себя называет, и эта странная слепая дама - мисс Гольдштейн, - при упоминании о гадалке стюард явно занервничал и виновато опустил глаза в пол.

- В котором часу это было?

- Около одиннадцати часов, сэр.

- Теперь хорошенько подумай и ответь, кто-нибудь после этого поднимался на верхнюю палубу?

Стюард вжал голову в огромные плечи, будто ожидая хорошей оплеухи, и отчаянно замолтал ею из стороны в сторону.

- Это значит - нет? - донимал его Гарольд.

- Так точно, нет, сэр, - пролепетал Михаэль, и быстро добавил, - если, конечно, не считать вас троих.

- А на эту палубу можно пройти другим путем?

- Другой ход только для членов команды, и по нему нельзя пройти без собственного ключа.

- Так-так, - бормотал Гарольд, когда закончил опрос стюарда и мы отошли в сторону. - По показаниям очевидцев, несчастье произошло без четверти час, когда кроме них в салоне и на палубе никого не было. Вроде бы все сходится со словами стюарда, но чутье подсказывает мне: все они чего-то не договаривают. Ладно, уже поздно, придется оставить расследование до утра.

- Так ты собираешься расследовать это дело? - спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.